

A black and white photograph of a man, Arturo Alape, looking slightly to the right. He has dark hair and a serious expression. The background is blurred, showing other people. The image is framed by a thick red border.

**АРТУРО
АЛАПЕ**

**ПО ПРОЗВИЩУ
“СНАЙПЕР”**

**ПАРТИЗАНЫ
КОЛУМБИИ, FARC, ELN,
ЭСКАДРОНЫ СМЕРТИ
И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ**

Против течения

Артуро Алапе

**По прозвищу «Снайпер».
Партизаны Колумбии, FARC, ELN,
эскадроны смерти и все остальные**

«Алисторус»

2024

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)

Алапе А.

По прозвищу «Снайпер». Партизаны Колумбии, FARC, ELN, эскадроны смерти и все остальные / А. Алапе — «Алисторус», 2024 — (Против течения)

ISBN 978-5-00222-668-9

Мануэль Маруланда — один из величайших партизанских командиров Латинской Америки. Многие годы колумбийские власти и ультраправые боевики вели охоту за его головой. Несколько раз они объявляли, что Маруланда убит, но это всегда оказывалось ложью. Всякий раз Мануэль Маруланда выходил из самых сложных ситуаций, какие создавали ему враги. Его честность и храбрость, нестигаемые воля и благородство породили о нём мнение как о современном святом, рыцаре без страха и упрёка. «Он реальный, а не киношый Зорро, современный Парсифаль...» — писали о нём те, кто знал его лично. Эта книга рассказывает о жизни, борьбе и идеях этого выдающегося человека, мечтавшего о том, что рано или поздно Колумбия станет свободной. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)

ISBN 978-5-00222-668-9

© Алапе А., 2024
© Алисторус, 2024

Содержание

Введение	6
Часть первая	11
Глава первая	12
Сон. Море – множество птичьих крыльев	12
Смерть. Медленно угасающий взор	13
Тропа на юг	16
Инса – вызов, брошенный всему миру	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Артуго Алапе
По прозвищу «Снайпер».
Партизаны Колумбии, FARC, ELN,
эскадроны смерти и все остальные

© Артуго А., 2024

© Майский М.А., перевод на русский, 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

*Памяти Мануэля Сепеды Варгаса, мечтателя-утописта,
посвящается*

В подготовку этой книги внесли свой вклад многие, но я хочу выразить особую признательность лицензиату А. Монтальво за внимательное прочтение рукописи и, в целом, за большую помощь в моей работе.

Введение

«Ибо та война справедлива, которая необходима, и то оружие священо, на которое единственная надежда».

– Н. Макиавелли. Государь. XXVI

В первой части своей работы, «Las vidas de Pedro Antonio Marín, Manuel Marulanda Vélez, Tirofijo», я проследил жизненный путь Мануэля Маруланды Велеса начиная с его детских лет, показал роль семьи в его становлении, рассказал о его юношеских годах, о начале его партизанской деятельности на юге департамента Толима, о создании так называемой «независимой республики Маркеталия» и о завершении «Операции Маркеталия» в 1964 г. В этом втором томе «Manuel Marulanda Vélez, Tirofijo. Colombia: 40 años de lucha guerrillera» рассказывается о концепции Мануэля Маруланды Велеса по созданию партизанской организации с характеристиками малой армии, которая появилась у него в 1966 г. вместе с рождением РВСК, о сложном и противоречивом развитии этой организации вплоть до 1984 г., когда было подписано соглашение о перемирии с правительством президента Бетанкура.

Мануэль Маруланда

Когда в 1983 г. я предпринимал свои первые разыскания о жизни Мануэля Маруланды Велеса, я решил, что мой текст должен носить характер общеисторического исследования, где личное время героя моего повествования должно органично сплетаться со временем историческим. Время тесного общения с главным персонажем этой книги, когда я взял у него три больших интервью – в январе 1984 г., январе-феврале 1985 г. и январе-феврале 1986 г., – ещё более убедило меня в этом, поскольку сам Маруланда в ходе этих интервью анализирует свой жизненный путь за этот же период времени. В дальнейшем, по ходу работы я понял, что должно быть основой успешного решения задачи. История не разыгрывается на потребу конъюнктуры,

поэтому историческое сочинение не должно основываться на информации, которая сводит все социальные и политические феномены к этой категории.

Я написал биографию прежде всего воина. Речь идёт о биографии, в самом широком смысле этого слова вписанной в широкий историко-политический и национальный контекст. Война учит человека искусству выживания и определяет весь его образ жизни, постоянно соседствующий со смертью. Война ведётся во имя того, что считается идеалом – правильным или неправильным, это другой вопрос, – что является концепцией, близкой индивидууму, который при этом подчиняется коллективной реальности, концепцией, которая пробуждает и развивает определённое мировоззрение, правильное или ошибочное.

В этом смысле быть воином значит обладать интуицией и умом, которые позволяют выживать, находясь под постоянным прицелом врага; быть воином значит понимать всю глубину и тонкости партизанской войны; быть воином значит постоянно жить в ситуации, когда нет надёжных стен, за которыми можно было бы спрятаться, и когда нужно найти единственную тропу, по которой можно уйти, и вновь продолжать борьбу даже тогда, когда это кажется уже выше человеческих сил; быть воином значит быть им в таком обществе, как колумбийское, которое среди всех своих многочисленных особенностей обладает уникальной способностью порождать разнообразные виды смерти; быть воином значит быть Человеком Гор, иметь смелость и умение защищаться, умение заблаговременно выбрать пути к отступлению, знание тех многочисленных возможностей, которые предоставляет природа, у которой нет секретов от него, понимание всего и вся, что обитает в горах.

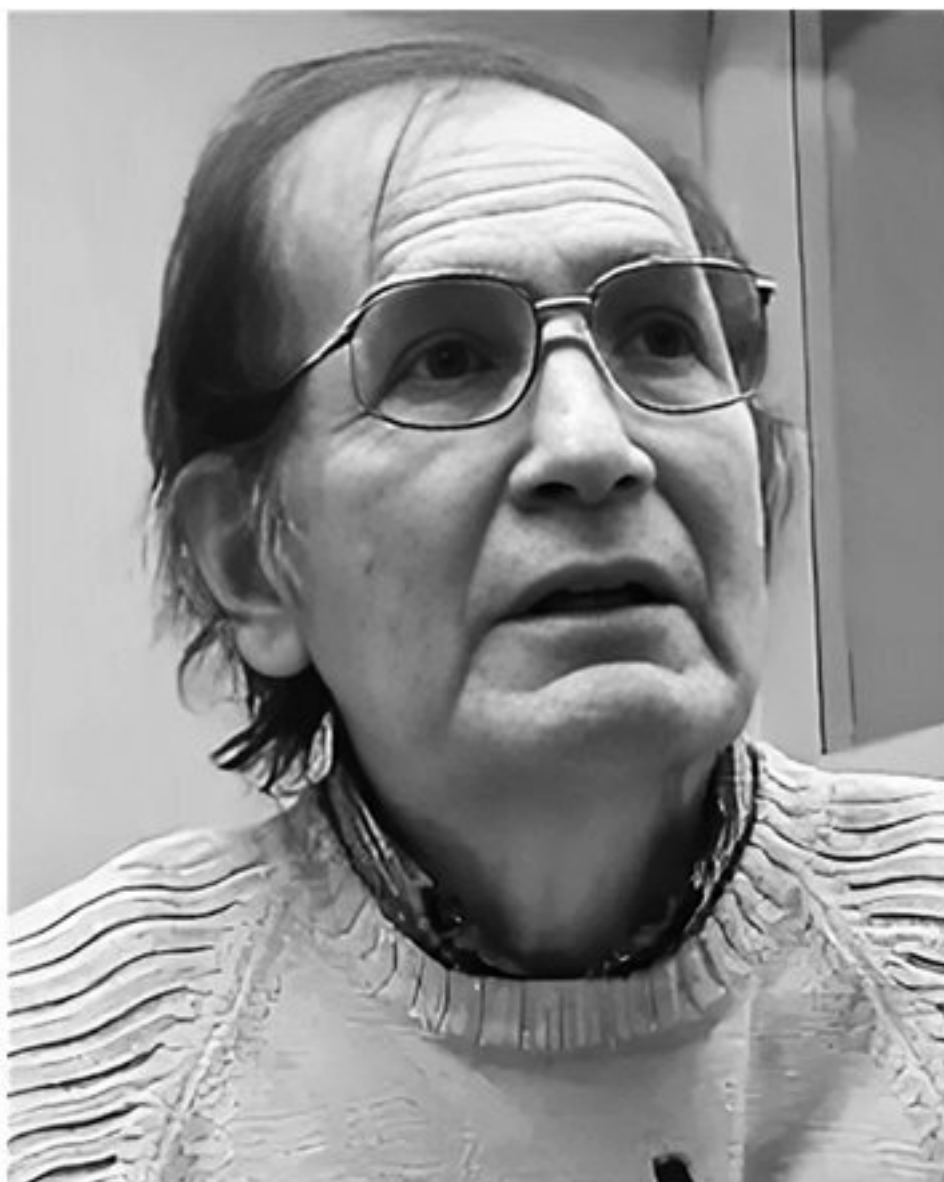
Структура данного текста подчиняется двум уже указанным особенностям: сложности личности самого Маруланды и сложности писания текста как осмысления этой личности.

Маруланда всегда держит дистанцию в общении. Когда имеешь с ним дело постоянно и один на один, он уходит в себя, замыкается. Первое, что сразу бросается в глаза при общении с ним, – это то, что он – человек военный. Большая часть жизни, проведённая в горах, в подполье, с его постоянными опасностями, сформировали его личность, сделали его замкнутым. Его внутренний мир не должен и не может быть публичным, он создаёт защитные механизмы, которые выключаются только словом и доверием, которые он питает к своим товарищам. Маруланда говорит только то, что, как он полагает, необходимо говорить. Он хранит полное молчание относительно конкретных аспектов своего военного опыта, который в целом и в частности, с его точки зрения, является и должен быть военной тайной. Но надо прямо сказать, что в ходе подготовки к созданию этого текста Маруланда открыл мне многое, что до этого он не открывал никому из тех, кто не принадлежит к числу его наиболее близких товарищей. И всё же, несмотря на это, оставалось ещё много неясного в его личности, что я попытался, насколько это было возможно, восполнить свидетельствами его товарищей по оружию.

Для заполнения этих информационных лакун мы пытаемся создать некую описательную структуру, которая позволила бы нам осуществить глубокое зондирование этих скрытых сторон его личности. «Сон», который является вымыслом автора, – фикция для создания и раскрытия индивидуальной реальности – приближает нас ко всему тому, к чему стремится главный персонаж нашей книги: море, город, естественная смерть, неутомимый поиск возможности воплощения своего идеала. «Смерть» является обратной стороной жизни, которая для одних должна быть бесконечной, а для других, даже если она и должна закончиться и исчезнуть под землёй, становится исторической памятью. «Жизнь» – это иное видение человека, который выжил в эпоху насилия, охватившего всю страну.

По необходимости и в силу добросовестности, среди многочисленных возможных тем историк должен выбрать только одну и подвергнуть её строгому анализу. Действительно ли «Снайпер» – обыкновенный бандит или это повстанец? Как эпоха «виоленсии» повлияла на жизнь Маруланды? Кто был чьим врагом? Какова была взаимосвязь между проявлениями насилия с той и с другой стороны в то время? Формулируя эти и другие вопросы, я пытался

выработать метод приближения к сложным аспектам этой очень актуальной и спорной проблемы. Прямой путь состоял в использовании свидетельств героев повествования и главного персонажа – объекта моего исследования, – которые содержатся в двух больших интервью с Мануэлем Маруландой Велесом и Хакобо Аренасо; они являются своего рода хронологической осью текста. Использовались также и другие письменные источники, которые позволяют с наибольшей достоверностью реконструировать жизнь самого известного повстанца наших дней и действия его врагов. Список книг, приводимый в конце нашего исследования, послужил основой для отбора, организации и синтеза событий, на фоне которых действует главный герой, и они же послужили нам отправным пунктом и оказали большую помощь в поиске ответов на сформулированные ранее вопросы относительно механизмов и природы насилия, а также поведения некоторых действующих лиц. Многие из указанных текстов, широко используемые в этом втором томе в качестве свидетельств, в литературном плане представляют собой весьма сырые, необработанные, но не апологетические воспоминания людей, направлявших и применявших насилие со стороны правящих классов, а также тех, кто прибегал к насилию в качестве реакции и ответа со стороны классов угнетённых.

Артуро Алапе

Мною в систематизированной форме используются данные прессы за период с 1964 по 1985 г., причём не только для полноты освещения проблемы, но и для понимания общественного фона военного опыта главного героя. В настоящее время стало модным повторять старую мысль о том, что историк не должен становиться ни обвинителем, ни защитником прошлого. Он должен стремиться делать своё повествование, исходя из объективной реальности, уважать факты, точно и строго придерживаться только их. Отбор этих фактов был совершён на основе моего первоначального замысла и корректировался мной постоянно на протяжении всей работы. Относительно языка и технических приёмов изложения отмечу, что он вырабатывался в соответствии с лексикой действующих лиц; мною часто используются регионализмы, которые наиболее точно передают характер лингвистического народного творчества. Сходным образом даётся описание природно-географического ландшафта Колумбии, тех старых дорог, которые пронизывают всё те же дороги, по которым проходили герои прошлых и нынешних гражданских войн в этой стране.

Часть первая

Глава первая Другие Кордильеры

Сон. Море – множество птичьих крыльев

Маруланда уже начал беспокоиться из-за того молчания, что царило в горах и сковывало всякое движение. Всё вокруг казалось мёртвым, обречённым на исчезновение, горы превратились в образ одиноко застывшей скалы. Для него, человека с тонким слухом, не было ничего более раздражающего, чем невозможность разобраться в том разнообразном шуме, который он слышал всю дорогу. Любой природный шум, человека или животного, не оставался незамеченным им; слушая, он обретал связь с миром, который его окружал, он сливался с окружающей природой. Атавистическая тишина превращала его в насторожившегося человека, что ещё с детства было важным уроком его жизни. Ему было трудно представить себе мир, в котором ему не надо было бы искать следы присутствия врага, сразу обнаруживая их там, где он только что прошёл. Привычка преследуемого человека, который вынужден, для того чтобы выжить, слышать или даже воображать дыхание того, кто его выслеживает.

Размышляя об этой тишине, которая рождала смутные подозрения, тишине, которая опутывала всё вокруг невидимыми нитями, включая звук собственных шагов, он шёл по тропинке к реке, идя навстречу её длинному, извилистому телу. Пока он шёл, он не слышал шума реки, этого рассказчика разных диковинных историй, он хранил в памяти сгустившееся молчание и следовал ритму своих предчувствий. Но вот он вышел на речной песок, и чары молчания были подавлены эхом голоса реки, они исчезли полностью.

Почувствовав озноб, который всегда возникал, когда приближалась опасность, он решил взять одно из привязанных к дереву каноэ, чтобы на этот раз наконец-то пуститься в тот путь, о котором он постоянно тосковал в своей жизни преследуемого человека. Он увидел реку, умиротворённую тишиной, и представил себе море, которого никогда не видел. Он, человек гор, никогда не видел море. Для него было невозможным охватить разумом то, что должно было быть морем, представить его образ и тем более реальность. Уже без всякой тревоги в душе, плывя по течению молчаливой реки, он представлял, что море – это как громадное крыло всех птиц гор, огромный взмах крыльев, крыло гигантских волн.

Каноэ медленно подплывало к пустынному берегу. Оттуда кто-то, размахивая руками, подавал ему знаки. Он лихорадочно начал соображать, как он будет обороняться в этой ситуации, но вдруг увидел неясную фигуру молодой женщины, зовущей его без слов. Она на расстоянии говорила с ним своим горящим взором и спокойным движением рук. Послушно выйдя из каноэ, он доверился этому красноречивому молчанию женщины. Только несколько раз в своей жизни он чувствовал такое спокойствие в своей душе. Женщина предложила ему еду и неторопливо рассказала обо всех своих снах, и, не обменявшись больше ни единым словом, они стали искать убежища от надвигающейся темноты. Ночью он спал с ней, и на следующий день, уже сев в каноэ, он знал, что оставляет в её чреве своего будущего ребёнка, который потом уйдёт в поисках своих гор. Позже он не хотел вспоминать о тех снах, которые у него были с другими женщинами, повстречавшимися на его долгом пути вниз по реке, в поисках никогда не виданного им моря. На одном из поворотов реки тишина взорвалась тем, что он ощутил как радость, которая охватила его полностью: море. Огромные волны вырастали, пытаясь дотянуться до небесного свода, и они казались ему единым крылом и гомоном всех птиц гор. Волны обрушивались так, словно кто-то подрезал их под корень, и очень далеко, на краю горизонта, Маруланда увидел остров, который венчался контуром горы.

Откуда-то далеко, с кроны высоких деревьев взлетел огромный серый орёл, в клюве он нёс перепуганную рыбу голубого цвета.

Смерть. Медленно угасающий взор

Смерть очень осторожно подбиралась по тропе к Мануэлю Маруланде Велесу, она давно стала тенью этого человека. Упорная и терпеливая, она всегда была настороже и никогда не упускала из виду ни одного его шага. Невидимка, она тем не менее всегда любила маскироваться, всегда появлялась в самые критические моменты жизни Маруланды, для того чтобы воспользоваться подходящим моментом и выместить на нём всю свою злобу. Человек, который живёт рядом со смертью, который столько раз уходил от неё, неизбежно должен, хотя бы один раз в своей жизни, мучительно пережить её присутствие. Такова его судьба, так написано на его ладони: медленно угасающий взор, неизбежное избавление от последних иллюзий, слабость и неподвижность во всём теле, безразличие, появляющиеся на лице, ничего не значащие слова, молчание, порождённое безнадёжностью. Все внешние события проходят мимо, жизнь замирает в его сердце. Но смерть была терпеливой, она ждала насильственной гибели Маруланды. Ей доставила бы мало удовольствия естественная смерть Маруланды – на исходе его старости, ночью, заполненной снами. Нет. Люди, подобные Маруланде, должны умирать иначе – истекая кровью, при ярком свете солнечного дня, а не в сумраке высоких гор. Его глаза должны видеть стеклянные глаза смерти, как видится прозрачность воды, уходящей сквозь пальцы.

И всё же в своём ожидании, в крадущемся многолетнем ожидании, ожидании, которое началось с 1949 г., когда Маруланда под именем Педро Антонио Марина решил уйти в партизаны со своими первыми 14 соратниками в окрестностях Хеновы, департамент Кальдес, смерть чувствовала себя неуверенно. Это ожидание стало особо неистовым между 1950 и 1953 годом на границах южной Топимы. Тогда смерть решила, что она должна следовать по пятам за Маруландой не только во время многих жестоких сражений, которыми изобиловала его жизнь партизана, но также и во время перемирий – для смерти это было время кратковременного отдыха, – во время которых Маруланда занимался строительством моста через реку. В мирное время люди тоже умирают, и с Маруландой мог произойти, например, несчастный случай – на него могло упасть дерево во время его рубки. Но смерть, однажды взяв на прицел жизнь человека, который никак не желал умирать естественной смертью, а тем более смертью насильственной, не могла просто пребывать в столь неплодотворном ожидании, не могла зря терять драгоценное время.

Понятно, что новости по радио и в газетах говорили всё наоборот. Тогда казалось, что смерть уже настигла Маруланду, что она прошла рядом, чуть выше сердца, и оно замерло, словно поражённое ударом молнии. Смерть не оставляла ему времени на обычную реакцию преследуемого человека, которая всегда позволяла выбраться из частых ситуаций опасности, в которых приходилось рисковать жизнью. Согласно слухам, которые циркулировали в СМИ, казармах и высших правительственных сферах, его окончательная смерть могла иметь место в один из последних дней октября или в первых числах ноября 1965 г., утром или вечером.

Сомнений в этом, даже случайных, в официальных источниках не было. Полковник Эрнандо Курреа Кубидес, командир VI бригады, расквартированной в Нейве, заявил в присутствии прессы о том, что он «подтверждает, что командование знает о циркулирующих слухах о смерти самого главного бандита от ран, полученных в бою», то же самое он заявил газете *El Tiempo* 27 декабря 1965 г. Полковник Курреа Кубидес рассказал о том, что войска под его командованием, а также полиция региона Маркеталии действуют в зоне каньона реки Секила, «где, возможно, будет раскрыта загадка смерти опасного антиобщественного элемента. Я весьма оптимистически настроен относительно возможностей подтверждения версии

о смерти бандита, и сейчас всё обследуется визуально, со сбором соответствующей информации, дабы подтвердить смерть Марина».

«Несколько разных информаторов, – заявил полковник Курреа Кубидес, – сообщили мне о том, что они могут указать место захоронения “Снайпера”, и сейчас они находятся на пути к этому месту, правда, задача осложняется труднодоступностью этого пункта». Полковник настаивал на том, «что обещанная награда будет вручена только тогда, когда будет проведена идентификация тела».

Командир VI бригады самодовольно заявил журналистам о том, что официально он не утверждает, что «Снайпер» найден мёртвым, но его нет и среди уцелевших из его уничтоженной банды. «Известно, что “Снайпер”, – добавил полковник Курреа Кубидес, очень уверенный в достоверности информации, полученной от военной разведки, – говорил, что хотел бы умереть и быть похороненным в Маркеталии. Расследование версий покажет истину. Сейчас мы прилагаем все силы к тому, чтобы проверить истинность той информации, которая есть в нашем распоряжении. Обещанное за выдачу тела вознаграждение жителям зоны – хорошая основа для нашего оптимизма...».

Согласно версии корреспондента El Tiempo в Нейве, «Снайпер» был ранен во время бомбардировки с самолёта. Его рука перестала действовать вследствие разрыва суставов и мышц. Но «Снайпер» продолжал оставаться в горах и участвовать в столкновениях с наземными войсками и был вторично ранен в ногу очередью из автоматической винтовки. Эта стычка имела место, возможно, в зоне Ла Эстрелья, муниципалитет Атако, департамент Толима. Без лекарств, соответствующего ухода, с ногой, охваченной гангреной, он вместе со своей шайкой антиобщественных элементов, скитаясь по горам, в итоге решил идти к истокам реки Ата. «Снайпера» несли на носилках. К западу от асьенды Ла Тригенья банда сделала привал на своём долгом пути, и он немного отдохнул на заброшенном ранчо. Здесь «Снайпер» приказал своим людям отнести себя подальше в горы и оставить, говоря, что его смерть близка и он не должен быть помехой остальным. Банда не послушала его и продолжила свой путь со всей возможной осторожностью».

«...Банда насчитывала 20 человек, в большинстве своём раненых, сильно истощённых, голодных, босых, с одеждой, превратившейся в лохмотья до такой степени, что куски ткани рубашек и штанов приходилось связывать между собой лианами».

«В этом рассказе крестьян фигурирует одно географическое название, двусмысленное и неясное. Банда, – утверждают крестьяне, – говорила об истоках “Чикильи” или “Сикильи”. Но неизвестно, было ли это местом убежища или каким-то условным названием на жаргоне бандитов».

Партизаны FARC

«С кем разговаривал здесь “Снайпер”, уже умирающий, предчувствующий свою неминуемую смерть? Как, согласно одной версии этого эпизода, он смог спуститься с гор и скрыться в городе? Почему “Снайпер” рассказал здесь, на ранчо, как и когда он был ранен в руку и ногу, и, охваченный приступом боли, просил своих людей, чтобы они пристрелили его в горах и спасались сами?»

(Искатели тела Маруланды отправились в путь рано утром, дабы не терять времени зря. Перед их глазами стоял, как знак, образ дерева, известного как Мать-Сейба, которое, согласно слухам, шедшим с гор, послужило Маруланде местом последнего прибежища в конце октября – начале ноября. Никто точно не знал, где находится эта Мать-Сейба. О ней знали только следующее: своей густой листвой Сейба давала огромную тень, и в ней было большое дупло, которое служило в качестве убежища, дупло, в котором вполне могли разместиться на ночь три человека; эта Сейба всегда была желанной целью для людей, заблудившихся в горах, поскольку было известно, что внутри неё они найдут не только убежище, но также и сухие дрова, для того чтобы развести огонь. Сейбу с такими признаками было нетрудно найти, тем более если она скрывает внутри тело человека, которого они так искали. Для них это было не просто желание получить обещанную награду, – упорная надежда, завладевшая умами этих людей, – они, искатели затерянного где-то тела, жили также ложной иллюзией посредством такой необычной находки стать такими важными персонами в глазах людей.

Сомнение могло возникнуть только в том случае, если бы им попалось ещё одно непохороненное тело, что было вполне возможно из-за холодного воздуха гор, который мог сохранять неразложившимися трупы животных, погибших два или даже три года назад. Некоторые полагали, что в итоге они найдут скелет, заросший сорняками и мхом, который будет трудно опознать, и цепочку муравьиных следов. Но более опытный искатель трупов сказал, что нечего ломать голову над такими пустяками, он лично знал Маруланду при жизни и сможет определить его по одежде и, возможно, по какому-нибудь физическому признаку, сохранившемуся на останках, особенно по пальцу, которым тот нажимал на спусковой крючок.

Дорогу окутал густой туман, скрывший среди дня солнце. Они безуспешно искали дерево вплоть до наступления ночи, которая постепенно наваливалась на них, как тяжёлый мешок на плечи. Подгоняемые спешкой, они шли по широкой тропе, которая для группы возбуждённых людей казалась широкой дорогой. Уже почти теряя тропу из виду, они шли под проливным дождём, который охватывал холодом их души и тела. В вечерних сумерках они нашли дерево, которое, как показалось им, и есть та самая Мать-Сейба, огромная в объёме, с толстым стволом, подавляющая спокойствием своего облика. Но в стволе они не обнаружили никакого дупла, как не нашли и никакого тела. Разочарованные, они подумали, что всё это оказалось ловким трюком такого хитреца, каким был Маруланда, который даже в свой смертный час предвидел, что после кто-нибудь попытается найти его тело. И тогда он предусмотрительно приказал своим людям, дабы они тщательно замаскировали дупло в Сейбе корой, содранной с других деревьев, для того чтобы предотвратить осквернение своей могилы. Искатели осмотрели ствол, но не нашли никаких признаков глубокого дупла. Они изо всех сил пинали ногами ствол, чтобы услышать отзвук пустоты внутри, который помог бы им определить местонахождение дупла, но видели только усталость разочарования на лицах друг друга.

Один из искателей закричал, что он нашёл рядом другую, похожую Сейбу. Через минуту он уже кричал, что видит ещё одну такую же. Но среди них не было ни одной хотя бы с малейшими признаками глубокого дупла. И не было галлюцинацией, миражом то, что явилось их ослабевшим взорам после этого, – деревья стал окутывать густой туман, гигантские стволы стали вдруг стремительно истончаться и превратились в переплетение лиан, густое, непроходимое, которое в итоге полностью закрыло им дорогу. Внезапно самый опытный из искателей трупов приказал всем замолчать: он сказал, что вроде бы слышит где-то рядом в горах звук оруduющего мачете человека. Они по звуку следили за продвижением этого мачетеро, но настичь его уже не могли. Труп Маруланды уходил всё дальше. Искатели его тела, измождённые за день ходьбой, были вынуждены распрощаться со своими надеждами.)

Тропа на юг

*В древности тот, кто был искусен в военных делах, сначала стремился стать неуязвимым и только потом нападал на врага.
– Сунь-цзы. «Трактат о военном искусстве»*

Когда Маруланда хочет избежать прямых военных столкновений с врагом, он просто исчезает из его поля зрения, теряется в горных зарослях. Он исчезает, чтобы затем вновь неожиданно появиться во время быстрой и скоротечной атаки, а затем опять мгновенно скрывается. Он никогда не позволял того, чтобы ему наступали на пятки, он всегда заботится о тыле и тщательно обследовал местность на предмет возможной засады. Осторожность, врождённое умение выживать, которое у него в крови, помноженные на знание местности и исключительную память, – всё это составные элементы его военного опыта. Реальность постоянно подвергала его испытаниям.

В июне 1964 г. колумбийская армия после чувствительных потерь, понесённых в результате ряда партизанских засад, завершила военную операцию по установлению контроля над тем, что именовалось территорией Маркеталии. Небольшая деревня, где жил Маруланда и его люди, находилась в труднодоступной местности у истоков реки Ата. Это та территория, которая после окончания «Операции Маркеталия» была переименована в Вилья Сусана как дань посмертной памяти первой даме нации, деяние, в ходе которого звучали патриотические речи, сопровождаемые подъёмом колумбийского флага. Национальный суверенитет вновь был восстановлен в сердце того, что совсем недавно было территорией Маркеталии, символом под-

рывной коммунистической деятельности. Однако символ человеческий продолжал жить: сам Маруланда и его люди сумели скрыться.

Исчезновение Маруланды оказалось настолько большой неожиданностью, что будущий генерал Маталяна лишился сна, когда несколько дней спустя, уже после окончания военной операции, обнаружил целую систему укреплений, которые охватывали всю Маркеталию и тянулись по левому берегу реки Ата. Отсюда открывался выход на широкую тропу, которой и воспользовался Маруланда и его люди для отступления. «В течение нескольких ночей мы слышали многочисленные взрывы в окрестностях Маркеталии, – рассказывает, в ту пору полковник, Маталяна. – Мы думали, что это – партизаны. Однако, как выяснилось позже, это оказались животные, которые спускались с гор, выходили на тропинки и подрывались на “растяжках”, оставленных партизанами...». Благодаря этому были спасены жизни многих солдат. Это было воспринято ими как знак свыше, особенно тогда, когда они наконец обнаружили начало той тропы, которая, по мнению полковника Маталяны, послужила партизанам для поспешного бегства.

Сегодня, уже генерал Республики в отставке, Маталяна вспоминает о тех неожиданностях, с которыми ему пришлось столкнуться в то время, и одновременно это даёт ему возможность оценить военные таланты того, кого он тогда преследовал: «Я хочу упомянуть об одном факте из той нашей войны против революционеров, который действительно достоин упоминания и который, с моей точки зрения, имеет стратегическое значение, – это та искусность и огромный объём работы, который проделали “Снайпер” и другие революционеры для создания долговременной дороги на всём протяжении сельвы от Маркеталии до Риочикито; дороги, по которой, после завершения её строительства, человек мог легко добраться пешком из одного посёлка в другой всего за неделю...».

Генерал описывает эту широкую тропу во всех подробностях; наверное, в этом и заключается особенность памяти военного человека, который никогда не упускает деталей и не забывает самого главного. «Это была довольно широкая тропа, проложенная очень продуманно, и главное заключалось в том, что её невозможно было заметить с воздуха. Поэтому я и утверждаю, что в той нашей войне против революционеров это было беспрецедентное сооружение, действительно стратегического значения. Кроме того, тропа была проложена таким образом, что она начиналась не в самой Маркеталии, а непосредственно в сельве». Полковник осторожно продвигался вперёд, внимательно всматриваясь в лесной лабиринт: «К началу или выходу на стратегическую дорогу можно было добраться по нескольким тропинкам, о которых я уже упоминал и которые оказались все заминированными». Генерал вспоминает о том, с какими трудностями ему пришлось тогда столкнуться ввиду незнания местности: «Продвигаться вперёд было рискованно, на каждом шагу мы сталкивались с ловушками, которые обычно представляли собой гранаты на растяжках: малейшее прикосновение к верёвке вызывало взрыв...».

Маруланда воскрешает в памяти всё новые и новые детали, для того чтобы окончательно раскрыть загадку своего чудесного исчезновения из Маркеталии: «Из Маркеталии можно было выбраться по нескольким тропам. Одна шла на Уилу, другая – на Кауку, третья – на Кальдас. У нас было много путей, чтобы быстро скрыться. И никто об этом не знал. Поэтому мы уходили по всем этим тропам. Конечно, была и такая тропа, которую мы именовали центральной. Возможно, это именно та, которую обнаружил генерал Маталяна. Но, судя по всему, они наткнулись на старую тропу и прошли по ней. Эта очень старая тропа, её проложили на основе ещё индейских тропок...». Эти небольшие тропинки соединялись посредством дороги, которая брала своё начало из Маркеталии и выходила к реке Симбола около деревни Бельалькасар; пересекая плоскогорье Уилы, они опять разделялись и петляли по склонам горных хребтов Центральной Кордильеры, с которых берут своё начало источники и реки Уилы, Кауки и Толимы. «Но это вовсе не означает, – горячо возражает Маруланда, – что мы уходили только

по этой тропе. Нет, в нашем распоряжении было несколько тропинок, которые мы развели на случай отступления тогда, когда стал серьёзно обсуждаться вопрос о проведении «Операции Маркеталия». Необходимо было упредить возможную панику, чтобы у наших людей не сложилось впечатление, что мы можем оказаться в мышеловке».

По этим тропам они направились из Маркеталии в Риочикито – группа бойцов под командованием Маруланды, Хакобо Арена и Эрнандо Гонсалеса – с целью подготовить Первую конференцию группировки «Юг», которая состоялась в сентябре 1964 г. в Риочикито, спустя 5 месяцев после начала «Операции Маркеталия». Непосредственно в зоне Маркеталии остался отряд под командованием Исаяса Пардо, который после многих проведённых им сражений погиб в ходе одной из стычек с армией. Для Маруланды смерть Исаяса Пардо была одной из самых тяжёлых потерь за всё время проведения «Операции Маркеталия». С Исаясом Пардо ушла буквально часть его жизни, он был бойцом и человеком, которого Маруланда «создал» по своему образу и подобию. За всю свою жизнь Маруланде пришлось несколько раз испытывать такую боль, когда приходили подобного рода горькие известия.

Конференция группировки «Юг» развила дальше ту военно-политическую концепцию, которая была только намечена в Аграрной программе партизан, прозвучавшей с гор Маркеталии на всю страну 20 июля 1964 г. В ней конкретизировалось дальнейшее направление борьбы и перспективы на будущее: «Мы – революционеры, борющиеся за изменение существующего строя. Однако мы хотели бороться и первоначально именно так и боролись, используя наименее болезненные для нашего народа методы – мирные, методы демократической борьбы масс, те легальные методы, которые оговорены в Конституции Колумбии. Но этот путь был насильственно закрыт, и поскольку мы – революционеры, которым в любом случае надо исполнять свою историческую роль, которая нам выпала, ... мы были вынуждены избрать иной путь – путь революционной вооружённой борьбы за власть».

Уже этот документ достаточно ясно свидетельствует о решимости крестьянского отряда из Маркеталии стать группой профессиональных партизан. Решения Конференции группировки «Юг» являлись своего рода продолжением Аграрной программы. Маруланда так объясняет причины созыва Конференции: «После ухода из Маркеталии, которая была оккупирована армией, мы совершенно ясно осознавали всю серьёзность ситуации, сложившейся в Натагайме, Чапаррале, в Восточной Толиме – регионах прежней партизанской борьбы. Проанализировав сложившуюся ситуацию, мы пришли к выводу, что созрели все условия для созыва Первой конференции того, что тогда именовалось группировкой “Юг”, а именно: Маркеталия, Риочикито, 26 сентября и Восточная Толима. Был проведён анализ сложившейся в этих регионах ситуации, причём не только с точки зрения местных проблем, но учитывая общее положение в стране. Состояние экономики, общества, структура этого общества, настроение масс, уровень насилия – все эти вопросы необходимо было рассмотреть с точки зрения текущего политического процесса. Мы пришли к выводу о том, что нарастание насилия в Риочикито, Пато, Гуайабери, в Восточных Льяносах приведёт к тому, что, начавшись с Маркеталии, оно в итоге неизбежно распространится на городские центры и ликвидирует всё то небольшое, что осталось от демократических свобод в Колумбии...». «Это насилие – утверждает Маруланда, – было следствием правления предшествующих диктаторских правительств консерваторов. Не мы навязали насилие стране, оно было навязано нам...».

С военной точки зрения Конференция группировки «Юг» стала началом разработки планов распространения партизанской войны не только на территорию Маркеталии, но и Толимы, где оно уже появилось в районе 26 сентября. Это же должно было произойти и в Восточной Толиме, включая Риочикито; в то время Риочикито ещё не была ареной действия армии, но такая возможность учитывалась. Был создан Главный штаб группировки «Юг», который разработал план действий. Конференция группировки «Юг» приняла новую концепцию, которая полностью изменила представление о характере иррегулярной войны, провозгласив принцип

тотальной и постоянной мобильности малых и больших вооружённых групп. Этот принцип стал базовым и, согласно Маруланде, был распространён не на отряды крестьянской самозащиты, из которых просто невозможно было вытравить дух оборончества, а на те вооружённые группы, которые в то время именовали себя партизанскими, хотя и не во всём подходили под это определение с точки зрения их военной концепции. «Подвижная партизанская война, – поясняет Маруланда, – есть действия постоянно перемещающихся партизанских подразделений, поскольку в одних регионах нет условий для длительной обороны, а в других – есть. Взять, к примеру, Маркеталию, где враг был вынужден наступать в лоб и не мог зайти нам в тыл, поскольку рельеф местности был для этого неблагоприятным. Так почему было не попробовать это и в других районах? Поэтому мы полагали, что есть такие территории, которые благоприятны для организации длительного сопротивления. Отсюда главный вывод: подвижная партизанская война, т. е. ударил, отступил, снова возник перед врагом, исчез...».

«Проблема партизанской войны – это проблема концепции», – считает Хакобо Арена. В этом смысле к моменту проведения Конференции группировки «Юг» единственным исключением из всех партизанских групп являлась именно группа из Маркеталии, концепция всех других партизан базировалась на принципе самообороны. Они перемещались по территории разных регионов, переходили из одного муниципалитета в другой, иногда устраивали стычки, однако в целом их главное стремление заключалось в том, чтобы избегать столкновений с армией.

«Главная идея Конференции группировки “Юг”, – вспоминает Хакобо Арена, – состояла в организации такой партизанской войны, которая сегодня идёт вот здесь, а завтра – за несколько километров отсюда, которая, например, в течение одного месяца ведётся на территории одного департамента, затем распространяется на другой, а, скажем, через 3 месяца – на третий и через год охватывает уже значительную часть страны. Вот такая была идея... Идея, которая в то же самое время утверждала, что малочисленная партизанская организация, а тогда можно было говорить о группах численностью в 50, 100, максимум 200 человек, будет трудноуловима для армии. Че Гевара, говоря о начальном этапе партизанской войны, так определяет характер действий партизан: кусает и убегает, для того чтобы вернуться, укусить ещё раз и снова убежать, и так несколько раз. И мы так и сказали, что наше революционное партизанское движение будет действовать по этому принципу: кусать и убегать, для того чтобы вернуться и укусить ещё раз и снова убежать, и так постоянно на протяжении всего периода времени иррегулярной войны...».

По ходу своих воспоминаний Хакобо Арена поясняет территориальный аспект партизанской войны, который также нашёл отражение в решениях Конференции группировки «Юг»: «Многие думали тогда и думают сейчас, что мы вели речь исключительно о юге Толимы. Это неверно, это не так; мы с самого начала вели речь обо всём юге, обо всех южных территориях страны; именно поэтому наша Конференция и называлась Конференцией группировки “Юг”. Юг Толимы был для нас только местом традиционной борьбы и сопротивления партизанских отрядов либералов и коммунистов. Однако группировка “Юг” как основа РВСК не имеет ничего общего с опытом партизанского движения на юге Толимы в 50-х гг.».

Основной вывод Конференции группировки «Юг», которая, по мнению самого Маруланды, сыграла решающую роль в процессе формирования малой армии, заключался в том, что партизанские отряды группировки должны были превратиться – совершенно ясная концепция для Маруланды после его ухода из Маркеталии, когда он оставил идею о том, чтобы вернуться туда обратно, – в малую революционную армию. «На Конференции со всей очевидностью стало ясно, – утверждает Хакобо Арена, – что партизанам предстоит очень сложное и трудное противостояние с врагом, намного превосходящим их во всех отношениях, и потому партизанское движение должно было развиваться во всех направлениях, вести работу с массами в большем масштабе. В этом заключался секрет нашего последующего успешного развития». Специально

были выделены соответствующие военно-политические кадры, для того чтобы поддерживать аграрное движение крестьянства и движение крестьянской самообороны, с тем чтобы таким образом создать на будущее в этих обширных регионах движение поддержки. Был взят курс на перевооружение партизан, причём не только группы из Маркеталии, но всех отрядов, представители которых принимали участие в работе Конференции: Риочикито, Пато, Гуаяберо, 26 сентября. На Конференции обсуждались планы обеспечения организации всем необходимым за счёт прямой помощи местного населения; кроме этого, были приняты решения по вопросам образования, пропаганды и финансов. На Конференции был разработан план размещения партизанских групп в разных регионах Толимы и Уилы, имея в виду их последующий рост и создание на их основе уже новых групп, которые должны были направляться туда, где ещё не существовало партизанского движения.

Инса – вызов, брошенный всему миру

В Риочикито, месте убежища и отдыха своих людей, Маруланда в декабре 1964 – январе 1965 г. слушал ночью по радио различного рода сообщения о своей смерти, которые оглашал полковник Курреа Кубидес из места дислокации VI бригады. В последующие несколько лет сенсации подобного сорта будут появляться неоднократно. Его жизнь будет окружена целым букетом образов смерти, воображаемых и озвучиваемых врагом. Он будет неутомим и неистов в их распространении и повторении, что приведёт только к усилению скептицизма общественного мнения относительно истинности этих слухов. Слушая новости, Маруланда невозмутимо, а иногда и с улыбкой, говорил сам себе: «Они и дальше будут убивать меня по радио, будут убивать тысячу раз... Ну, а я буду и дальше спокойно слушать их новости».

В то время когда по стране распространялись упорные слухи о его смерти от ран, полученных в бою, Маруланда встретился в Риочикито с Сиро Трухильо, для того чтобы выработать план захвата Инсы. В тот момент партизанское движение находилось с точки зрения финансов в довольно сложной ситуации. Но главная идея, которая прозвучала на заседании Главного штаба, наметившем общие контуры операции в Инсе, заключалась в том, чтобы продемонстрировать общественности страны, что партизанское движение Маркеталии не разгромлено, наоборот, в ходе боёв в Маркеталии оно усилилось, выросло численно, перевооружилось и в настоящее время вполне в состоянии предпринять такую рискованную операцию, как захват какого-либо более или менее важного посёлка, каковым являлась Инса, административный центр одного из муниципалитетов в провинции Каука.

Маруланда и Сиро Трухильо неоднократно посылали разведчиков, для того чтобы уточнить, где располагаются казармы, алькальдия, отделение Аграрного банка и места дислокации отрядов гражданской самообороны. Имея данные разведки, они определили подходящее время для захвата Инсы. Затем они, уточняя детали, набросали план на бумаге. Для проведения этой операции было решено организовать 145 человек, из которых не все были партизанами, – сюда входило около 80 индейцев, проживавших в данной местности. Их специально взяли для того, чтобы после окончания операции они помогли унести всё то, что будет добыто в Инсе.

Расстояние между Риочикито и Инсой было довольно-таки большим, продвижение отряда происходило скрытно, через лес, для того чтобы неожиданно появиться на центральном шоссе, от которого затем отходила дорога на Инсу. Рано утром во вторник отряд вышел к шоссе. Здесь он должен был ждать наступления ночи в густых зарослях, чтобы переправиться через реку. Мост через эту реку был, но имелась довольно-таки неясная информация о том, что на мосту можно наткнуться на армейский патруль. Впоследствии выяснилось, что эта информация оказалась неверной. Тёмной безлунной ночью, когда ни в коем случае нельзя было зажигать фонарики, партизаны начали переходить реку. Иногда приходилось идти по горло в воде, а тот, кто был небольшого роста, вообще уходил под воду с головой. Таких при-

ходило брать за пояс или даже за ноги и поднимать над поверхностью реки; снаряжение и оружие полностью вымокли, и можно было считать чудом то, что несколько человек, которые совсем не умели плавать, остались в живых. Они продолжили свой ночной марш по шоссе, дрожа от холода в сырой одежде, но по мере продвижения вперёд партизаны стали согреваться на ходу, да и одежда стала высыхать, словно подул тёплый ветер. Они уже перешли почти на бег, как вдруг из авангарда передали: «На дороге – какой-то шум...». Осторожный Маруланда тут же отдал приказ остановиться и произвести разведку местности; налево и направо от шоссе. Партизаны быстро обследовали кюветы, которые шли вдоль дороги. Отряд осторожно приблизился к холму, у которого они увидели телеграфный столб, а рядом с ним – двух своих спящих разведчиков, которые шли к Инсе, дабы потом сообщить им последние сведения, которые они разузнали. Разведчики сказали, что на обратном пути их застала ночь и они решили расположиться здесь в надежде на то, что здесь и встретятся с партизанами. Они сообщили самую последнюю информацию.

Решение, которое принял Маруланда, оказалось самым удачным в данной ситуации: он приказал задерживать всех, кто с восходом солнца появится на дороге. И вот в утренней мгле появилось четверо человек на лошадях. Увидев группу вооружённых людей, они остановились и закричали без тени всякого сомнения: «А, это армия, старые друзья... Пропустим по стаканчику!» Спешившись, они предложили водки, как будто действительно встретили старых знакомых. Маруланда сел на одного коня, Хакобо – на другого и затем приказали всем четверым идти впереди, объяснив, что пока они не могут их отпустить. Только тогда четверо гостеприимных любителей выпить догадались: «А, так вы – партизаны?!» «Ясное дело, партизаны, – смеясь, ответил Эрнандо Гонсалес. «Ну, тогда мы тоже партизаны...» – хором ответили все четверо и, успокоенные, пошли впереди.

Согласно плану, разработанному Маруландой, в 4 часа примерно в 6–8 км от Инсы партизаны должны были встретить маршрутный автобус. По замыслу Маруланды, его следовало остановить, приказав всем выйти и сказать шофёру, что они – армейский патруль, которому срочно надо попасть в Инсу на рассвете, чтобы затем успеть вовремя вернуться обратно. После этого Маруланда с группой из 30 человек должен был подъехать к военной казарме в Инсе и атаковать её. Остальные же должны были продолжать движение по шоссе пешком и затем взять под контроль другие, невоенные объекты в посёлке. План был тщательно проработан во всех деталях.

Достигнув местечка Эль Ато, партизаны слышали звук приближающейся машины. Авангард партизанской группы быстро рассредоточился по обеим сторонам шоссе, заняв удобную позицию, для того чтобы выполнить полученный приказ: остановить автобус, высадить людей, поместить пассажиров в центр колонны и быстро погрузить группу захвата в машину... Но тут случилось то, что никак не было предусмотрено разработанным планом. Это была роковая случайность с самыми серьёзными последствиями. Та информация, которой располагали партизаны до начала операции, гласила, что в автобусе, вышедшем из Инсы, будут исключительно гражданские лица и что из посёлка он отправится в 3 часа. Но случилось неожиданное: в автобусе ехали 22 пассажира, и среди них 2 полицейских, которые перевозили какого-то заключённого в Корпус Пардо Кольо, и 2 монахини. Когда автобус остановился перед препятствием – партизаны набросали на дорогу камни и ветки, – авангард партизанской колонны приготовился к захвату автобуса. Но один из полицейских, находившихся в автобусе, увидев неожиданно появившихся вооружённых людей, открыл стрельбу из своей винтовки. Партизаны ответили шквалом огня, буквально изрешетив автобус. Позже, увидев, что произошла ужасная ошибка, партизаны, помимо всего прочего, сожалели ещё и о том, что теперь нельзя будет использовать автобус для того, чтобы попасть в Инсу. Один из полицейских был убит, другой вместе с уцелевшими, но насмерть перепуганными пассажирами бросился бежать через плантацию сахарного тростника, которая находилась рядом с шоссе, и вскоре они скрылись.

В Корпус Пардо Кольо полицейского, конечно же, посадили бы в камеру вплоть до выяснения обстоятельств дела, и потому он вновь вышел на шоссе чуть дальше и поспешил в Инсу, чтобы сообщить о том, что группа вооружённых людей убила всех, кто находился в автобусе. Оттуда связались по телеграфу с Бельалькасаром и сообщили о происшествии. Бойцы авангарда партизанской колонны позже выдвинули свою версию случившегося: «В общем, конечно, мы вляпались в большое дерьмо. Когда в нас начали стрелять, мы-то подумали, что в автобусе полно солдат. Ну, мы и дали им в ответ...». Такова была их версия. Другая версия была дана одним из пассажиров, который находился в автобусе. Он так описал трагические события того дня: «...группа людей в военной форме приказала остановить машину, и когда они увидели двух полицейских, то кто-то из этих людей крикнул:

Камилло Торрес – священник-партизан

“Здесь «грифы»!” – и после этого они открыли огонь по машине...». Однако, как выяснилось, до этого «агент полиции Хуан Крус, который ехал в автобусе, увидев людей, лица которых были закрыты платками, открыл огонь из своей винтовки, но ни в кого из бандитов не попал. Они ответили дружным залпом...». Ещё более печально и драматично было то, что помимо гражданских лиц и полицейских в этом автобусе ехали две монахини, которые обе погибли в результате инцидента.

«Вся трагичность происшедшего заключалась в том, – вспоминает Хакобо Аренас, – что этого ни в коем случае не должно было произойти. Операция, которая замысливалась нами для того, чтобы поднять авторитет нашей организации в глазах колумбийцев, наоборот, подорвала этот авторитет, хотя и относительно. Эта ошибка обошлась нам очень дорого, и потом нам

пришлось приложить немало усилий, для того чтобы ликвидировать негативные последствия этого инцидента...».

«Мы глубоко потрясены тем актом геноцида, который произошёл вчера рано утром в посёлке Инса, в результате которого были лишены жизни две сестры Ордена матерей-миссионерок Пречистой Девы Марии. Настоятельница Ордена, мать Маргарита Очоа, сообщила нам о том, что сёстры Мария Адельфа (Сулья Арройаве Паласиос) и Сан Бонифасьо (Бланка Руис) были уроженками департамента Антиокия, первая – из Медельина, вторая – из Толедо... Бандиты не знали о том, что в автобусе едут сестры, они не собирались их убивать», – сказала мать Маргарита Очоа. Позже она сказала, что сёстры этого ордена по разным поводам имели возможность лично познакомиться с главарями многих бандитских шайк департамента Топима и особенно хорошо знали «Снайпера», о котором она сообщила, что он питает к этому ордену особое уважение и не раз предоставлял некоторым сестрам выючных животных, для того чтобы им было легче путешествовать по тяжёлым дорогам лесных районов Маркеталии... «Пусть кровь наших сестёр будет нашей жертвой Господу», – такими словами закончила своё заявление мать-настоятельница.

Захваченных на шоссе пьяниц отпустили; они поспешно взгромоздились на своих лошадей и скрылись. В итоге в результате ужасной ошибки погибло 16 человек. «Наш изначальный план был полностью погублен, инициатива была утеряна, операция перестала быть тайной», – вспоминает Маруланда. Партизаны продолжили свой путь по шоссе, стремясь выйти к Инсе до наступления дня. Однако уже почти рядом с посёлком, примерно в 3 км от Инсы, у местечка Эль Воладор, в овраге их ждал алькальд Инсы и командир полиции в сопровождении сил местной самообороны. Они уже всё знали о нападении партизан, о чём им сообщил бежавший полицейский. Утренние сумерки были разорваны первыми залпами начавшегося боя. Выстрелы, мёртвые, залпы, предсмертные крики. Партизаны двигались по дороге, и потому в темноте им было плохо видно, что же происходит по сторонам. И наоборот, алькальд и полицейские были хорошо укрыты в кофейных плантациях, что тянулись вдоль дороги и возвышались над ней. И вдруг со стороны партизан раздался мощный голос, который перекрыл звуки ожесточённой пальбы: «Вы что делаете, идиоты? Стреляете в армию? Вы что, не поняли, что мы – армия? Говорит капитан Рамирес...?» Крики и выстрелы сменились недоумённой паузой. Всё ещё сомневаясь, на дорогу опасно спустился полицейский. Его окружили партизаны и закричали: «Идите туда, там наш капитан. Что вы тут устроили? Вы ранили нашего солдата! Вы представляете, что сейчас могло произойти? Сражение между своими...». Успокоенный такой встречей, полицейский направился туда, где находились Хакобо и Эрнандо Гонсалес. Эрнандо обратился к нему пренебрежительным тоном, как будто он действительно был лейтенантом или капитаном; далее мы излагаем этот разговор в той версии, которая фигурировала в прессе, именовавшей Гонсалеса кубинским партизаном. Эрнандо сказал полицейскому: «Вы что тут делаете? Правительство направило сюда войска, потому что неизвестно, что может случиться в эти дни в Инсе. Но у нас есть достоверная информация. Мы передвигаемся скрытно. Но какая тут теперь может быть скрытность, когда устраиваются такие идиотские сражения? Сообщите всё это вашим людям!» Перепуганный полицейский подчинился приказу. «Мой сержант, – закричал он изо всех сил, – здесь действительно капитан Рамирес! Это никакие не бандиты, не стреляйте!»

Напряжение среди полицейских ослабло, и это обезоружило их дух. Но когда на шоссе спустились другие полицейские, то один из них увидел людей, одетых в разную форму, и закричал: «Мой сержант, это неправда, это – не армия, это – бандиты!» И сражение разгорелось вновь, утренние сумерки вновь разорвали красные вспышки. Маруланда, повинувшись своему обострённому чувству прирождённого воина, немедленно отдал приказ стрелять направо и налево от дороги, поскольку он точно не знал, где располагается полиция и гражданская самооборона. После этого он приказал прорываться к Инсе. Когда алькальд и его люди самым

неожиданным образом увидели, что это оказались действительно партизаны, то они закричали о том, что надо отступать. Этот приказ имел самые роковые последствия, он полностью дезорганизовал оборону. В итоге алькальд погиб, судья был ранен, и это фактически обезглавило местный отряд гражданской обороны.

17 марта, когда уже почти рассвело, партизаны вошли в Инсу и взяли посёлок без единого выстрела; полиция оказалась позади и разбежалась по кофейным плантациям и по дороге; она оказалась не в состоянии до конца исполнить свою роль. Местное безоружное население стало выходить из своих домов, чтобы поприветствовать партизан, возможно, потому что действительно симпатизировало им, а может быть, и по причине чисто физического страха. «Мы захватили местное отделение Аграрного банка, заняли казармы полиции; несколько наших товарищей нашли местную тюрьму и выпустили на свободу заключённых. Затем мы стали собирать всех людей на площади, но часть народа была в церкви, церковь была буквально переполнена верующими, поскольку в это время шла месса. Мы сказали священнику, чтобы он прервал мессу и вместе со всеми шёл на площадь», – вспоминает Хакобо Арена, который и отдавал все эти приказы. Священник велел передать, что мессу прерывать нельзя: «Сначала я закончу мессу, а потом пойду на площадь». «Тогда к нему пошёл товарищ Эрнандо Гонсалес и сказал, что сейчас идёт война и что когда на войне отдаётся приказ, то этот приказ должны выполнять все, и священники в том числе...». Эрнандо вошёл в церковь и сказал священнику: «Это военный приказ, падре, выходите вместе со всеми на площадь...». Священник сказал: «Ну, если это военный приказ, тогда я иду...». На митинге говорили Хакобо Арена и Эрнандо Гонсалес.

В газете «Эль Сигло» была опубликована следующая версия событий: «“Снайпер” со своими людьми вошёл в посёлок, в то время как приходской священник, падре Мартинес, вёл святую мессу. Один из партизан вошёл в храм, принёс собравшимся там извинения за смерть монахинь и со всей возможной вежливостью попросил, чтобы все вышли на торговую площадь, чтобы поговорить».

Это и было сделано. Маруанда вышел на балкон алькальдии и сказал: «Мы хотели бы сказать вам не об убийстве, а о революции. Правительство ответственно за дороговизну жизни, и потому надо сбросить это правительство. Всё стало ужасно дорого», – и он привёл конкретные цифры, как это любил делать Рохас Пинилья во время своих публичных выступлений.

Демонстрируя своё уважение к монахиням, Маруанда спросил, обращаясь к ним: «Сколько недавно стоил один ярд ткани, который шёл на вашу одежду, Ваше преподобие?» Мать Модестина, настоятельница местной монашеской общины, ответила робко: «25 песо». «Правильно. А сейчас, Ваше преподобие, не хватит и 90».

В других вариантах, изложенных в прессе, утверждалось, что Эрнандо Гонсалес – это кубинский партизан. Они описывали его как «мужчину ростом 1 м 60 см, крепкого телосложения, волосы каштановые, в военной форме, которого звали Кубинец, его национальность проявилась в акценте, когда он обратился к людям, кстати, в более грубой форме, чем “Снайпер”, и сказал, что революция на марше и что они свергнут правительство...». Что касается Хакобо Арены, то, повествуя о митинге, его перепутали с Маруандой.

Мать-настоятельница подошла к Хакобо Арена и попросила о том, чтобы им позволили подобрать тела погибших монахинь. «Когда я выступал с речью, я рассказал о том, что произошло на дороге. Я объяснил, что главными виновниками этого происшествия являются не партизаны, а полицейские, которые открыли стрельбу из автобуса. В своём выступлении я рассказал, в чём состоял наш план. Я сказал о том, что нам был необходим автобус, для того чтобы наш отряд прибыл на нём в посёлок и захватил полицейский участок, и не более, что у нас абсолютно не было никакого намерения кого-то убивать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.